

Художественный перевод с использованием языков народов России: основы типологизации требований

П. П. Дашинамаева^{✉1}

¹ Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова,
670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, д. 24а

Сведения об авторе

Полина Пурбуевна Дашинамаева,
SPIN-код: 4712-7974,
e-mail: pdash@bsu.ru

Для цитирования:

Дашинамаева, П. П.
(2022) Художественный перевод с использованием языков народов России: основы типологизации требований. *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 4, № 2, с. 120–131.
<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-2-120-131>
EDN GOXGQA

Получена 30 января 2022; прошла рецензирование 18 июля 2022; принята 13 августа 2022.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © П. П. Дашинамаева (2022) Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье в первом приближении представлены основы типологизации требований к переводу национальной художественной литературы РФ на русский язык. При изложении требований автор исходит из следующих установок: 1) при условии единого целевого языка (в нашем случае — русского) следует разработать обобщенные типовые рекомендации, которые в дальнейшем могут лечь в основу современных частных теорий перевода с языка народов России на русский язык; 2) в рамках требуемых трансдисциплинарных стратегий исследования языка и интерязыка в качестве эпистемы как некоего исходного предзнания должны служить базовые принципы естественной речемыслительной деятельности (в первую очередь то, что речь актуализируется как минимум на двух изолированных этапах — мыслительном и моторно-речевом (довербальном и вербальном)). Данные принципы находят отражение в разделе «Основы методологии типологизации» разрабатываемых автором требований, которые соответственно обуславливают раздельное формулирование алгоритма предпереводческого и непосредственно переводческого уровней. Принцип доказательности исследования реализуется в практическом материале по переводу с аварского, бурятского и тувинского языков, и их комментариях, оформленных в виде таблиц, которые подтверждают типологию требований прямо и опосредованно. Подобная алгоритмизация и выбор стратегии (форенизации и/или доместикации) перевода также детерминированы нейрофизиологическими принципами естественного семиозиса: раздельные мыслительный и вербальный этапы обосновывают стратегию форенизации смысла/мыслей, т. е. довербального этапа, и доместикации целевого языка, т. е. моторно-речевого этапа, соответственно. В связи с тем, что в рамках внутригосударственного перевода термин «форенизация» не носит релевантный характер, вместо него советуется использовать понятие «очуждение». Также новой является идея разграничения эквивалента и коррелята. Следование процедуре шагов предперевода и перевода способствует упорядочению мыслительной деятельности переводчика в конкретной ситуации и развитию культуры его переводческого мышления в целом.

Ключевые слова: перевод, национальный язык, художественный текст, требование, типология

Literary translation from the RF regional languages into Russian: Typology requirements basics

P. P. Dashinimaeva✉¹

¹Buryat State University named after D. Banzarov, 24a Smolina Str., Ulan-Ude 670000, Russia

Author

Polina P. Dashinimaeva,
SPIN: 4712-7974,
e-mail: pdash@bsu.ru

For citation:

Dashinimaeva, P. P.
(2022) Literary translation from the
RF regional languages into Russian:
Typology requirements basics.
*Language Studies and Modern
Humanities*, vol. 4, no. 2, pp. 120–131.
<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-2-120-131>
EDN GOXGQA

Received 30 January 2022; reviewed
18 July 2022; accepted 13 August
2022.

Funding: The study did not receive
any external funding.

Copyright: © P. P. Dashinimaeva
(2022). Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC
License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The research gives a first approximation of generalized requirements for the translation of the RF regional fiction into Russian. The author's core beliefs are as follows: 1) regarding the situation of the common target language (Russian) there must be developed generalized standard translation recommendations, which might further make the basis of modern specific theories; 2) the framework of transdisciplinary strategies for language and interlanguage predetermines an episteme-like consideration of principles of natural speech production and perception. The second condition is reflected in the section "Fundamentals of Typology methodology". The principle of research evidence is implemented in the tabled comments on translation from the Avar, Buryat and Tuvan languages. The latter ground directly and indirectly the typology divided into pre-translation and translation levels. The-like algorithm and the theory of translation strategy (foreignization and/or domestication) are also determined by the natural semiosis neurophysiological principles: separate mental and verbal stages justify the meaning/thought alienation and the target language domestication, respectively. Because of its functional irrelevance the term "foreignizing" is not recommended for use—one might use "alienation" instead. Distinguishing between 'equivalent' and 'correlate' is also a new idea. The given pre-translation and translation procedure implementation may contribute to the streamlining of the translator's mental activity in a particular situation and the development of their translation thinking mode in general.

Keywords: translation, national language, literary text, requirement, typology

«Осознать себя можно, только увидев другого:
только увидев, что он не похож на меня,
я могу понять, кто я ...
Если нет контраста, то нет специфики.
Если все — зеленого света, то вообще
никакого цвета нет».
Ю. Лотман (Лотман 2005, 469)

Введение

Смена парадигм в филологии и лингвистике — принятие трансдисциплинарных стратегий научного исследования — ставит перед теоретиками насущную задачу пересмотра методологии изучения переводческого посредничества в межкультурной коммуникации, не приписывая при этом культуре категориальный признак «наличие государственной границы». Имея в виду под культурой не материальные артефакты, а способы познания и мышления носителей языка, и их бесконечно-множественные формы обращения с внешним миром, последняя ремарка целенаправленно привлечена мной для *опровержения* стереотипного мнения о том, что внутри одного государства культуры имеют больше сходжений, чем культуры, разьединен-

ные границами стран, в связи с чем мнение о сходстве картин мира народов, объединенных общими границами, представляется ложным.

Основа методологии типологизации

Междисциплинарность переводоведения должна основываться на аксиоме «лингвистика не может не быть как минимум психологической и социокультурологической», соответственно, в попытках типологизации требований к переводу национальной художественной литературы на русский язык в рамках современных парадигм следует принять и признать ряд нижеследующих исходных установок, которые рассматривают язык–речь–коммуникацию не как формально-языковые паттерны, а как когнитивно-психологический процесс (как известно, основные принципы должны быть едины для смежных профилей одной области знания).

- Принцип нейроанатомической и нейрофизиологической *обособленности* статического/формального вербального знака и перманентно видоизменяющейся системы миропонимания, т. е. семантики (Ахутина 2008; Пинкер 2004; Черниговская

2008; Bichakjian 1999; Jackendoff 2002; MacWhinney 2005 и др.), по определению обуславливает то, что означающее как статическая внешнеязыковая оболочка потенциально не способна выразить полный объем динамического означиваемого (семантики), соответственно, в каждом акте коммуникации субъект присваивает формальному знаку новую значимость и переводчик-реципиент может только прогнозировать ее состав и содержание (Дашинимаева 2010).

- Поскольку, согласно психолингвистическому подходу, два этапа разделены, далее так же — принципиально отдельно — определяется и сама стратегия перевода: мысль автора форенизируется, язык перевода доместизируется (Дашинимаева 2010). Крайне важно понимать, что здесь речь идет не о тексте в традиционном понимании, который ассоциируется с контекстом, т. е. с концептуальной частью, а о конструировании текста в языке-2 в плане синтаксического и лексического узуса, когда сама мысль автора уже понята в ее аутентичном контексте языка-1.
- Однако целевой язык *не* является средством монокультурной коммуникации: будучи трансформатором передачи чужой мысли и ее посадки в неродную для нее почву, второй (в нашем случае — русский) язык не будет и не обязан иметь полный арсенал инструментов, удовлетворяющих контексты первого языка-культуры; как *средство межкультурной коммуникации* он должен функционировать немного по-другому, подвергаясь правилам посредничества межкодového пространства.
- Естественное восприятие речи в целом происходит как симуляция соответствующих объектов, действий, событий, интроспективных состояний (Barsalou 1999): симуляция же в мозге переводчика должна искусственно развиваться как культура мышления по воспроизведению ментальной модели с целью максимального приближения к пониманию концептуальной картины мира автора. Кратная практика по развитию подобного умения будет способствовать осознанно регулируемой форенизации концептуального содержания оригинала.
- При этом любое обобщение носит относительный характер, поскольку нет тождества и в восприятии внешнего мира, и в способах реагирования на его стимулы

в рамках ценностей, принятых внутри одной культуры. Типологизация как обобщение научного свойства также относительна, но она дает аппроксимацию когнитивных процессов для удобства ее применения в качестве отправной точки изучения вопросов теории перевода или механизма перевода как операциональной деятельности.

- Обобщение требований к переводу должно основываться на системных научных установках и подкрепляться пороговыми значениями дискурсивных стратегий ряда национальных языков.

Обсуждение иллюстраций

В качестве основы типологизации берем иллюстрации, где представлены результаты неверного понимания стратегии перевода: переводчики не производят симуляцию элементов концептуального содержания в аутентичной среде, т. е. у них не осуществляется этап форенизации (очуждения) помысленного. В комментариях к синхронным дискурсам на трех исходных языках — аварском, бурятском и тувинском — даются аргументации КАК НЕ СЛЕДОВАЛО подходить к переводу концептуальной семантики.

Культуру Дагестана представит великий Расул Гамзатов своей знаменитой книгой «Мой Дагестан» (1968 г.) в переводе Владимира Солоухина с аварского на русский язык (цит. по: Маллаева, Магомедов, Халидова 2021). Бурятскую культуру представляет современный писатель Александр Лыгденов в рассказах на тему природы с элементами притчи («Деревенская ласточка», «Бабочки... на льду», «Песня изюбря»). Их переводы осуществлены бурятско-русскими билингвами (2019 г.), отредактированы в издательстве ЗАО «ОГИ» в процессе макетирования антологии национальной литературы РФ (книга еще не издана). Наконец, тувинская этническая картина мира, изложенная в художественно-этнографических текстах М. Б. Кенин-Лопсана о традициях тувинской культуры (1994 г., 1999 г.), переведена на русский язык билингвами А. А. Дугержаа и А. С. Дембирель, издание вышло в свет в 2006 г. под редакцией Э. Мижита и Н. Куулара (Кенин-Лопсан 2006).

Помимо сюжетной линии все три источника объединены одной общей коммуникативной целью — ознакомлением с материальной и ментальной культурой народа, который автор представляет, и имплицитной рекомендацией читателю исходить в процессе интерпретации

из убеждения в том, что способы познания окружающего мира и соответствующие ментальные и физические типы поведения носителей данных культур уникальны. Для переводчика как умного читателя данная рекомендация должна быть когнитивной закономерностью.

Как справедливо считают З. М. Маллаева и ее соавторы, «не всегда переводчик использует художественные образы, соответствующие оригиналу и дагестанскому менталитету, поэтому переводной текст не сохраняет художественные и эмоциональные впечатления, производимые подлинником. У переводчика возникают проблемы с перемещением оригинального текста Расула Гамзатова из одной языковой и культурной среды в другую не потому, что она является чужой для переводчика, а потому, что она осталась для него чуждой» (Маллаева, Магомедов, Халидова 2021, 347).

Действительно, основной проблемой художественного перевода становится вопрос, КАК примирить внутреннее (чужую мысль из оригинала, представляющего первую культуру) и внешнее (язык, манифестирующий вторую культуру) с тем, чтобы целевой вербальный код не произвел трансфер чужой мысли в свою этнокультурную среду, тем самым осознанно или неосознанно присвоив ее. Как известно, данная дилемма в транслатологии регулярно обсуждается как выбор стратегии перевода — либо форенизация, либо доместикация. Первое

традиционно основывается на допущении переноса источника во вторую культуру, что, в частности, связано с благим желанием приблизить к себе чужую культуру во избежание когнитивного диссонанса, который может наступить у читателя.

Получается, здесь срабатывает механизм определения стратегии в виде некоей цепной реакции: поскольку «доместицируются» формальные знаки под нормы и узус языка перевода, то автоматически «одомашнивается» и семантическое наполнение мысли. В рамках вышеописанных оснований методологии типологизации стратегия *не* может рассматриваться подобным образом. Как ранее мы писали, в решении данной проблемы разграничиваем мыслительный и вербальный уровни как отдельные этапы семиозиса, каждый из которых запрашивает свою стратегию: язык доместицируется, смысл/мысль очуждается, т. е. должен сработать принцип «на аутентичном для культуры-2 языке передаются «чужие» смыслы и донесения». Другими словами, принцип «богу — богово, кесарю — кесарево» означает «нельзя присваивать чужой продукт», хотя он формально передан на хорошем языке (Дашинамаева 2017, 293).

Для компактного изложения и целостности восприятия антипереводы представлены в виде таблиц (табл. 1, табл. 2, табл. 3).

Табл. 1. Аварско-русские параллели

Table 1. Avar-Russian parallels

Исходный текст	Дословный перевод	Перевод В. Солоухина	Комментарий к переводу дискурса
КечI ахIлалде цебе халат хъвалеб пандурги, концерт гъабилелде тебе бицунеб хабарги, пардав рагъилелде цебе цIалулел лек- цияги дида церего, вакъадасул малъи- ял дурцасда гIадин, рихун рукIанал.	<i>И пандур, на котором долго играют, прежде чем спеть песню, и дол- гие выступления перед началом концерта, и лекция перед откры- тием занавеса мне дав- но надоели, как нравоу- чения тестя зятю.</i>	<i>Вот певец взял в руки пан- дур. Я знаю, что у певца хороший голос, так зачем же он так долго и бездум- но брэнчит, прежде чем начать песню? То же самое скажу о докладе перед кон- цертом, о лекции перед на- чалом спектакля, о нудных поучениях, которыми тесть угощает зятя вместо того, чтобы сра- зу позвать к столу и на- лить чарку).</i>	«Переводчик неоправданно вмешивается в авторский текст, вводит нового персонажа, новые артефакты и вносит такие коррективы, которые смешают акценты и искажают смысл текста»; «согласно законам горского этикета, тесть и зять так же, как и отец и сын, не могут сидеть за одним столом и выпивать» (Маллаева, Магомедов, Халидова 2021, 350).

<p>Рукъалда къоно барав, къавулъе рачІчи хъвагӱлеб жо бахинчІев, кидаго юргъан бачІев, гъоркъан горде ретІинчІев, хъимал бусада гӱрав, гӱмруялъ тохтирасда черх бихъичІев, я гъавураб, я хвараб сон лъидаго лъаларев дир гъаримав инсул эмен.</p>	<p>Запиривший дом представлением большого камня, никогда во двор которого не заходила хвостом машущая скотина, никогда не накрывавший себя одеялом, никогда не надевавший ниже белье, выросший на маршрусе, заполненном сушеной травой, тело которого не осматривал ни один врач, ни год рождения, ни год смерти никому не известный, бедный отец моего отца.</p>	<p>Во двор моего дедушки ни разу не заходило ни одно четвероногое животное, кроме разве собаки да кошки. Едва ли он когда-нибудь спал под одеялом, едва ли он знал, что такое ниже белье. Ни один доктор в мире не мог бы похвастаться тем, что осматривал Магомета, заглядывал ему в рот, щупал пульс, заставлял дышать его то глубже, то реже и вообще видел его тело. Никто не знал также у нас в ауле точных дат его рождения и смерти.</p>	<p>«Переводчик допускает вмешательство в смысловое содержание текста, не только не соответствующее смыслу текста оригинала, но и неприемлемое с точки зрения менталитета дагестанцев <...> Собаку и кошку переводчик добавил от себя. Кошку-то еще можно было добавить (хотя речь идет однозначно о скотине), но собак во дворе мусульмане не держали, так как в исламе слюна и шерсть собаки считаются нечистыми (скверной). Это не мешает мусульманам заботливо относиться к собакам, их можно держать только для охраны скота и охоты» (Маллаева, Магомедов, Халидова 2021, 351).</p>
<p>Дица лъалиниса ханжар бахъулеб буго. Магӱарулал абула: бахъанищ ханжар — къабе, къабуннищ ханжар — къотІе. Амма къабилалде цебечин рекӱн бугищали балагбизе ккола.</p>	<p>Аварцы говорят: «Не вынимай кинжал из ножен, если вынул — бей»</p>	<p>Горцы говорят: «Не вынимай кинжал без надобности. А если вынул — бей! Бей так, чтобы сразу убить наповал и всадника, и коня». Вы правы, горцы! И все же. Прежде чем обнажить кинжал, вы должны быть уверены, что он хорошо заточен.</p>	<p>«Когда пишет магӱарулал, Расул Гамзатов имеет в виду аварцев, а не всех горцев. Добавленная фраза Бей так, чтобы сразу убить наповал и всадника и коня говорит о том, что переводчиком не понят назидательный смысл аварской пословицы «Не вынимай кинжал из ножен, если вынул — бей». Он прямо противоположный: тот, кто носит кинжал, должен хорошенько подумать, прежде чем вынуть его из ножен, поскольку в противном случае он вынужден будет применить его по назначению» (Маллаева, Магомедов, Халидова 2021, 353).</p>
<p>Гъале чода тӱкӱва-магӱал чІван рахъана. Гъеб къолона</p>	<p>Вот закончил подковать коня.</p>	<p>Хорошо подкован мой нетерпеливый, мой верный конь. Я сам поднял каждую его ногу и проверил крепость подков. Я оседлал коня, потянул за подпругу. Пальцы едва подлезают под нее. Хорошо и умело оседлан конь.</p>	<p>Переводчик прибегает к необоснованному развертыванию описываемой ситуации, что в целом нарушает дискурсивную стратегию и автора, и носителей языка.</p>

Табл. 2. Бурятско-русские параллели

Table 2. Buryat-Russian parallels

Исходный текст	Перевод бурятско-русских биллингвов	Редакторская версия (московское издательство)	Комментарий к редакторской версии перевода дискурса
<p><...> Сагаан эдее-нэйнгээ дээжэ сүүршэжэ, наран зула набша сэсэг мэтээр абажа ябаһан буряад байгааимнай <...></p>	<p><...> предки берегли свою природу — их бесценное богатство, окропляли белой пищей.</p>	<p><...> предки берегли свою природу — их бесценное богатство, окропляли белой жертвой.</p>	<p>Замена «пищи» лексемой «жертва» уводит в неверное русло интерпретации: простой обычай преподнесения свежей белой пищи в знак приравнивания человека и природы приводит к впечатлению об актуализации некоего темного и мистического ритуала.</p>

Табл. 2. Продолжение

Бурядадай баялиг Байгал далай <...>	<...> <i>настоящее сокровище нашей бурятской земли Байкал.</i>	<i>Настоящее сокровище земли российской Байкал.</i>	Здесь редактор без всякого основания вводит идеологическую поправку: авторский восторг стихией Байкала, находящегося в Бурятии, не связан с устремлениями другого толка.
Мүнөө нам мэтын наһанай хүнүүдые «дунда наһатан» гэжэ хэлсэдэгшье хаань <...>	<i>Хоть людей моего возраста и называют «средним поколением» <...></i>	<i>Хоть людей моего возраста и называют «старшим поколением» <...></i>	Поправка вызвана стереотипным отношением к «неузуальности» сочетания «среднее поколение». Автор подразумевает, что в среднем возрасте мудрость еще не приходит (опосредованное представление о ходе человеческой жизни).
Эрьежэ ерээд байһан энхэ мүнхэ Наранай, энхэржэ бэе бээдээ байһан амитадай Инаг дуранай элшэ шанга хүсэнүүд хэндэшье, юундэшье диилдэшэгүйл!.. ангир шубуудай аян замдаа мордожо байха үе сагта <...> Булган, буга хандагай гээшэд Хангай эзэнэйнгээ эгээ үнэтэ сэнтэй, дээдэ захын амитад юм ха.	<i>Никому и ничему не победить силы вечно мирного Солнца, каждый раз возвращающегося по оси своего кругооборота, никому и ничему не победить и силы Любви двоих [бабочек], нежно ласкающих друг друга!.. <...> <i>турпан</i> отправляется в путь. Соболев и изюбр — самые ценные и благородные животные хозяина тайги.</i>	<i>Никому и ничему не победить силы вечно мирного Солнца, никому и ничему не победить и силы Любви двоих, нежно ласкающих друг друга!.. <...> <i>перелетные птицы</i> устремляются в небо; Соболь и изюбр — самые любимые животные хозяина тайги.</i>	Примеры иллюстрируют холистическое мировосприятие, соответственно, указание на повторение циклов жизни Солнца, имеющее значимость для автора не только в плане описания живой природы, не следовало убирать; генерализация (турпан — перелетные птицы) не имеет основания: автор как тонкий художник рисует природу в конкретных именах и ассоциациях «здесь и сейчас»; персонификация природы также обусловлена этническим представлением об иерархии животных более низкого и более высокого ранга, соответственно, исправление вызвано собственным пониманием редактора.

Табл. 3. Тувинско-русские параллели

Table 3. Tuvan-Russian parallels

Исходный текст	Перевод тувинско-русских билингвов	Комментарий к переводу
Эрте-бурунгу түрктерниң сиилбил би-жигилээн көжээ тураска-алдарда дээрге чүдээн алгыштар бар ¹ .	<i>В древних тюркских каменных памятниках имеются слова молитвы по освящению неба (Кенин-Лопсан 2006, 90) ².</i>	Сам автор называет <i>алгыш</i> шаманским напевом, шаманским стихом. Это и посвящения, и обращения, и просьбы, специальная форма коммуникации людей с миром духов, что очевидно не согласуется с семантикой русского слова молитва как текста, произносимого при обращении к Богу, святым с просьбой, благодарностью, покаянием (Кужугет, Сувандии, Ламажаа 2021, 410).
ДАГЫЛАГА Суг бажын дагыбыры	<i>Освящение (объектов природы) освящение родника.</i>	Суг бажы — исток, букв. «голова воды». В переводе не передано «антропоморфное понимание тувинцами воды как существа, имеющего голову» (Кужугет, Сувандии, Ламажаа 2021, 411).

¹ Источник — тексты тувинского ученого М. Б. Кенин-Лопсана из трудов «Тыва чоннуң бурунгу ужурулары» (Кенин-Лопсан, М. Б. (1994) *Традиционная этика тувинского народа*. Кызыл: Новости Тувы, 174 с.) и «Тыва чаңчыл. Тыва чоннуң ыдыктыг чаңчылдары» «Тувинские традиции. Тувинские народные священные традиции» (Кенин-Лопсан, М. Б. (2000) *Тыва чаңчыл*. Кызыл: Новости Тувы, 351 с.).

² Перевод на русский язык писателями-билингвами А. А. Дутержаа и А. С. Дембирель под редакцией писателей-билингвов Э. Мижита и Н. Куулар издан под наименованием «Кенин-Лопсан М. Б. Традиционная культура тувинцев» (Кенин-Лопсан 2006).

Табл. 3. Продолжение

<p>ТӨРЕЛ (система родства): өгбелер бурунгу өгбелер эрте-бурунгу өгбелер</p>	<p><i>Предки — далекие древние предки.</i></p>	<p>Иерархия родства включает: кровное родство до трех поколений; древние предки от четвертого до шестого поколений и далекие древние предки от седьмого до девятого поколений (Кужугет, Сувандии, Ламажаа 2021, 411). Опущение второго вида нарушает сам принцип иерархического представления системы родства.</p>
<p>КАВАЙ (колыбель ребенка) Уруг куьдунуң үгээ дэ-эрге дүвүн өрүлдүр аскан, аксын кудулдур халаңнаткан хап-чыгаш болур. Уруг куьдун аңгы аңгы адагылаар. Уруг куьду, уруг шивээзи, уруг куьду ээрен дигилээр. Уруг куьдун хам кижиниң чугаалааны-биле кылыр. Бурун тывалар уруг куьдунуң шивээзин салбактап шимээр, чараштап каастаар турган. Уруг шивээзи дээрге чаш уругнуң куьдунуң хай-халаптан камгала-ныр, чаштынар, чаглак-ныр ээ-рени болур.</p>	<p><i>Куколку помещали в мешочек, называемый шивээ — крепость, который подвешивали дном вверх. Говорили, душа ребенка хоронится от разных напастей в крепости.</i></p>	<p>Концепт КАВАЙ включает 34 обозначения конструкции, материала, предметов, которые клали в колыбель, соответственно, относится к непереводимому понятию. В переводе опущены: ааткыыш баа (<i>ремень крюка колыбели</i>), уруг куьдунуң үгээ (<i>домик/коробка с душой ребенка</i>), узун шидиг (<i>длинный шнурок</i>), уруг өдээ (<i>сухой овечий навоз для ребенка</i>), кавайның дужактары (<i>путь колыбели</i>).</p> <p>Авторы статьи предлагают собственный вариант перевода:</p> <p><i>«Душу» ребенка по-разному называют. Говорят, «душа» ребенка, крепость ребенка, идол (ээрен) души ребенка. В других местах «душу ребенка» называют крепость ээрена. Ее делали по совету шамана. В старину тувинцы очень украшали крепость, делали красивую бахрому. Крепость души ребенка — это идол, защищающий ребенка от всяких бед, и где можно спрятаться и укрываться.</i></p> <p>«Переводчики скорее не переводили текст дословно, а адаптировали, опуская часть ценной этнографической информации. Подобные решения сужают смысловое поле тувинской культуры. Наличие столь богатого семантического поля у концепта «детская колыбель» означает то, какое большое значение тувинцы придавали детям, культуре детства (Кужугет, Сувандии, Ламажаа 2021, 411).</p>

Для иллюстрации возьмем примеры из таблицы 2. Александр Лыгденов делится с читателями своими впечатлениями от внешнего мира, равно как и от внутренних переживаний, имплицитно поясняя, в чем заключается холистический способ мышления бурятского народа в неотрывности частей и целого и в видении окружающего мира как динамического целого. В этом его миропонимании нет места гегемонии человека: он — песчинка Вселенной, потому воздает ей хвалы и дары, потому он может олицетворять и персонифицировать элементы природы, признавать соболя и изюбря благородными животными и т. д. Так редактор перевода, исправляя на «любимых животных», исходит из своего — не-холистического — понимания природы и места человека в ней или вообще перестает следовать принципу «тени Гамлета», когда совершает неуместную реидеологизацию восприятия фрагмента, заменив бурятскую землю на «российскую» (см. табл. 2).

Изучив и обобщив критические комментарии к переводам, данным в таблицах, попытаемся изложить требования к переводу национальной художественной литературы на русский язык, разбив их на предпереводческий и непосредственно переводческий уровни. Подобная алгоритмизация соответствует принципам естественного семиозиса, описанным в разделе «Основы методологии типологизации», также способствует упорядочению мыслительной деятельности переводчика в конкретной ситуации и развитию культуры его переводческого мышления в целом.

Предпереводческие требования:

- 1) изучить ориентиры культурно-цивилизационного мышления этноса;
- 2) пытаться соизмерить данные ориентиры с конкретными физическими и ментальными тактиками поведения носителей языка-культуры;

- 3) ознакомиться с базовыми дискурсивными стратегиями художественного стиля изложения в контактирующих языках, при этом помнить, что целевой язык функционирует как инструмент знакомства с мыслями и донесениями не своей, а *другой* культуры, соответственно, должен принимать ряд правил, расширяющих нормы узуса — предметного, социального и жанрового плана;
- 4) для понимания художественного замысла автора и его индивидуального стиля осуществить релятивизацию стереотипного знания посредством сбора сведений об авторе, особенно его социально-личностных характеристик (знакомство с биографией, основными трудами, достижениями другого плана, комментариями и обзорами его деятельности) на следующих уровнях:
- дальняя релятивизация стереотипного знания об авторе относительно всей культуры этноса;
 - срединная — соотношением возраста автора с его/ее поколением и предполагаемым набором традиционных ценностей представителей поколения;
 - ближняя — посредством суммирования результатов предыдущих двух шагов с результатами прогнозирования психотипических характеристик автора, в т. ч. гендерных, идентифицировать автора как яркого/среднетипичного/периферийного представителя культуры этноса, что позволит, в свою очередь, эксплицировать типичные/среднетипичные/слабо-типичные версии концептуально-семантической системы носителей культуры-1.
- Переводческие требования:**
- разделить (умозрительно или конкретно-операционально) исходный текст на две части — уникальную, т. е. этно-центрированную, и общую, т. е. понимаемую в рамках универсальных истин, при этом стараться в течение всего процесса перевода обеспечивать синхронизацию первой и второй частей с тем, чтобы не было неоднозначного или противоречивого прочтения базовой цели воздействия автора на читателей, с одной стороны, и чтобы происходила минимизация вариативности понимания аксиологической картины мира представителей соответствующего поколения культуры-1, с другой;
 - по первой части определить список концептуально-рельефных лексем, эксплицитно и имплицитно указывающих на культурно-цивилизационное мышление этноса, также выделить рельефные слова и фрагменты текста, особенно с затемненной семантикой, сигнализирующие отличное от доминантных ориентиров целевой культуры миропонимание автора;
 - представить данный список как невидимый концептуальный остов, на котором будет конструироваться дискурс на втором языке с сохранением книжной литературной нормы, но с возможностью расширения лексико-семантической нормы и узуса путем ввода коррелятов³ — сочетаний гибридно-узусального характера, которые определенным образом расширяют предметный и жанровый узус целевого русского языка, иноязычных вкраплений, сносок и комментариев для создания этнокультурного целого;
 - вычленив в этом списке ряд безэквивалентных лексем, определить способы передачи их семантики, стараясь минимизировать жанрово-стилевые отхождения;
 - при применении методов компенсации заботиться о том, чтобы интерпретация этно-прецедентных ситуаций и явлений не получила перекося в сторону концептуализации ориентиров второй культуры;
 - продумать стратегию передачи стилистических составляющих оригинала (Алексеева, Дашинамаева 2021, 30), к которой можно отнести относительное сохранение музыкальности и ритмичности текста (созвучия, повторы, синтаксический параллелизм), сохранение риторического периода, восклицательных и назывных предложений, характерных для индивидуального стиля автора, обеспечить компенсацию случаев с культурно-

³ Принципиально важно разграничивать «эквивалент» и «коррелят»: первый указывает на лексикографическую релевантность, т. е. определенную закономерность соответствий, второй — на потребность уникального в плане этнокультурной значимости переводческого решения, на что обращено исследовательское внимание в диссертации Ц. Л. Будаевой (Будаева 2021, 7). Данный термин встречается у А. А. Залевской в следующем контексте: «<...> хранимые в памяти образы, увязываемые с определенными словами-коррелятами в разных языках, могут в значительной мере расходиться по мере актуальности тех или иных признаков, эмоционально-оценочных переживаний и т. д.» (Залевская 2018, 49).

- маркированными формо- и словообразованием и политемпоральностью;
- обеспечить здоровый баланс между *эквивалентными соответствиями* (в лексике — словарные соответствия и нормативно-узусальные сочетания, в грамматике — стандартные с точки зрения жанровой нормы структуры), обслуживающими универсальную составляющую текста, и *коррелятами*, манифестирующими этно-центрированную часть, которые в совокупности будут актуализировать требование оказывать воздействие на получателя целевой культуры, приблизительно схожее с тем, что оказывается на читателя исходной культуры;
 - до отправки перевода на внешнюю рецензию желательно пройти внутреннюю экспертизу, для чего привлечь вдумчивого читателя с достаточно высоким коэффициентом для ознакомления с версией перевода на русский язык, после спросить, получил ли он/она впечатление «у них все так же, как у нас» или «у них не так, как у нас». Данный опрос нацелен на выявление т. н. «этносемантической рефракции» (Фефелов 2016). В первом варианте ответа следует внести существенные изменения, добавления, во втором — оставить все как есть и поздравить себя с присвоением себе статуса ПЕРЕВОДЧИК.

Выводы

Приведенные в первом приближении обобщенные требования к переводу национальной художественной литературы РФ на русский язык обоснованы двумя базовыми убеждениями:

- 1) Междисциплинарное научное исследование языка и интерязыка детерминирует выбор эпистемы — некоего предзнания, в качестве которого должны служить базовые принципы производства и восприятия речемыслительной деятельности. Также они обуславливают методологию описания объекта или, по меньшей мере, участвуют в определении методологии.
- 2) При условии единого целевого — русского — языка следует разработать варианты типовых рекомендаций-требований, которые в дальнейшем могут в той или иной мере стать основой современных частных теорий перевода с регионально на русский язык.

Определенной новизной данного исследования являются следующие постулаты.

- Стратегии перевода «форенизация» и «доместикация» следует рассматривать не в традиционном формате выбора «или», а в соответствии с нейрофизиологией естественного семиозиса: обособленный мыслительный этап диктует и обосновывает применение первой стратегии, вербальный — второй, т. е. смыслы/мысли автора оставляем исходными (авторскими), код перевода подвергается нормативным законам и правилам узуса второго языка. Соответственно разграничиваем уровни *предперевода*, выполняя требования которых переводчик учится идентифицировать внутренний мир, т. е. мысли автора, и *непосредственно перевода*, следуя рекомендациям которого он учится *так* подбирать слова и структуры, чтобы они не противоречили чужой мысли.
- В рамках перевода с использованием языков народов России термин «форенизация» (досл. «обыностранивание») не носит релевантный характер, поскольку региональные языки РФ не относятся к иностранным. Предлагается вместо него использовать термин «очуждение» как путь сохранения чуждого/чужого чуждым/чужим⁴. Далее, в условиях перевода на родной русский язык термин «доместикация» остается вполне приемлемым, однако если переводчик работает с русским в качестве второго языка (как здесь в ситуации тувинского перевода), термин может вызывать неверное толкование, однако, думается, нет большой необходимости изобретать новый термин (рекламное понятие «таргетинг», возможно, уместно, тем не менее оно может также вызывать двоякую интерпретацию).
- В соответствии с заданной методологией по критерию «степень соответствия исходной форме и семантической структуре» разграничиваются «эквивалент» и «коррелят». Если лексикографическое соответствие идет по линии «более или

⁴ Здесь важно помнить, что под «очуждением» (*пер. с нем. «Verfremdung»*) также понимается концепция/прием описания непривычным, странным способом того или иного предмета с целью вывести читателя из автоматизма восприятия. В этом смысле термин пересекается с понятием «остранение». Литературовед Виктор Шкловский определяет данный прием как «не приближение значения к нашему пониманию, а создание особого восприятия предмета, создание “видения” его, а не “узнавания”» (Шкловский 1929, 10–11).

менее универсальное понимание» и не вызывает диссонанса у носителей обеих контактирующих культур, тогда следует называть его традиционным термином «эквивалент»; если вызывает, необходимо осуществлять творческий подбор сочетаний и структур и называть результат «коррелятом» (см. ссылку 3), потому что он не вступает в противоречие с заданной этно-центрированной ситуацией. Здесь как раз есть возможность расширения предметного и жанрового узуса второго языка, тем самым актуализации необычного, непривычного способа мышления/познания автора или персонажа, т. е. применения приема остранения.

- Следование заданной процедуре шагов предперевода и перевода способствует упорядочению мыслительной деятельности переводчика в конкретной ситуации и развитию культуры его переводческого мышления в целом.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Литература

- Алексеева, И. С., Дашинамаева, П. П. (2021) Критерии оценки художественного перевода: бурятско-русские параллели. *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*, № 5, с. 22–31. <https://doi.org/10.20339/PhS.5-21.022>
- Ахутина, Т. В. (2008) Модель порождения речи Леонтьева–Рябовой: 1967–2005. В кн.: Т. В. Ахутина, Д. А. Леонтьева (ред.). *Психология, лингвистика и междисциплинарные связи*. М.: Смысл, с. 79–105.
- Будаева, Ц. А. (2021) *Моделирование перевода паремий в аспекте актуализации прескриптивного потенциала (на материале бурятских, английских и русских коррелятов)*. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук. Улан-Удэ, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 25 с.
- Дашинамаева, П. П. (2010) *Теория значимости как основа психонейролингвистической концепции непереводаемости*. Диссертация на соискание степени доктора филологических наук. Иркутск, Иркутский государственный лингвистический университет, 377 с.
- Дашинамаева, П. П. (2017) *Теория перевода. Психоллингвистический подход*. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова, 360 с.
- Залевская, А. А. (2018) *Вопросы естественного семиозиса*. Тверь: Изд-во ТГУ, 160 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2006) *Традиционная культура тувинцев*. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 230 с.
- Кужугет, Ш. Ю., Сувандии, Н. Д., Ламажаа, Ч. К. (2021) Проблемы перевода концептов культуры на другой язык: на примере тувинских концептов культуры. *Полилингвальность и транскультурные практики*, т. 18, № 4, с. 405–420. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-405-420>
- Лотман, Ю. (2005) Взаимоотношения людей и развитие культур. В кн.: *Воспитание души*. СПб: Искусство — СПб, с. 469.
- Маллаева, З. М., Магомедов, М. А., Халидова, Р. Ш. (2021) Культурологический аспект перевода на русский язык произведений аварской художественной литературы: на примере книги Р. Гамзатова «Мой Дагестан». *Полилингвальность и транскультурные практики*, т. 18, № 4, с. 347–357. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-347-357>
- Пинкер, С. (2004) *Язык как инстинкт*. М.: Едиториал УРСС, 456 с.
- Фефелов, А. Ф. (2016) Семантика и прагматика взаимодействия британской и китайской культур в поликодовом тексте документального фильма. *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, т. 14, № 4, с. 60–80.
- Черниговская, Т. В. (2008) Что делает нас людьми: почему непременно рекурсивные правила? Взгляд лингвиста и биолога. В кн.: А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская (ред.). *Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка*. М.: Языки славянских культур, с. 395–413.
- Шкловский, В. (1929) Искусство как прием. В кн.: *О теории прозы*. М.: Федерация, с. 10–11.
- Barsalou, L. W. (1999) Perceptual symbol systems. *Behavioral and Brain Sciences*, vol. 22, no. 4, pp. 577–609. <https://doi.org/10.1017/s0140525x99002149>

- Bichakjian, B. H. (1999) Language evolution and the complexity criterion. *Psychology*, vol. 10, no. 033. [Online]. Available at: <https://www.cogsci.ecs.soton.ac.uk/cgi/psyc/newpsy?10.033> (accessed 15.01.2022).
- Jackendoff, R. (2002) Foundations of language: Brain, meaning, grammar, evolution. New York: Oxford University Press, 477 p.
- MacWhinney, B. (2005) New directions in the competition model. In: M. Tomasello, D. I. Slobin (eds.). *Beyond nature-nurture: Essays in honor of Elizabeth Bates*. Mahwah; New Jersey; London: Lawrence Erlbaum Associates Publ., pp. 81–110.

References

- Akhutina, T. V. (2008) Model' porozhdeniya rechi Leont'eva—Ryabovoj: 1967–2005 [The Leontiev—Ryabova speech generation model: 1967–2005]. In: T. V. Akhutina, D. A. Leont'eva (eds.). *Psikhologiya, lingvistika i mezhdistiplinarnye svyazi*. Moscow: Smysl Publ., pp. 79–105. (In Russian)
- Alekseeva, I. S., Dashinimaeva, P. P. (2021) Kriterii otsenki khudozhestvennogo perevoda: buryatsko-russkie paralleli [Criteria for evaluating literary translation: Buryat-Russian parallels]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly — Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, no. 5, pp. 22–31. <https://doi.org/10.20339/PhS.5-21.022> (In Russian)
- Barsalou, L. W. (1999) Perceptual symbol systems. *Behavioral and Brain Sciences*, vol. 22, no. 4, pp. 577–609. <https://doi.org/10.1017/s0140525x99002149> (In English)
- Bichakjian, B. H. (1999) Language evolution and the complexity criterion. *Psychology*, vol. 10, no. 033. [Online]. Available at: <https://www.cogsci.ecs.soton.ac.uk/cgi/psyc/newpsy?10.033> (accessed 15.01.2022). (In English)
- Budaeva, Ts. L. (2021) *Modelirovanie perevoda paremij v aspekte aktualizatsii preskriptivnogo potentsiala (na materiale buryatskih, anglijskih i russkih korrelyatov) [Modeling of translation of paroemias in the aspect of actualization of descriptive potential (based on the material of Buryat, English and Russian correlates)]. Extended abstract of PhD dissertation (Philology)*. Ulan-Ude, Buryat State University named after D. Banzarov, 25 p. (In Russian)
- Chernigovskaya, T. V. (2008) Chto delaet nas lyud'mi: pochemu nepremenno rekursivnye pravila? Vzglyad lingvista i biologa [What makes us human: Why recursive rules? A view of a linguist and a biologist]. In: A. D. Koshelev, T. V. Chernigovskaya (eds). *Razumnoe povedenie i yazyk. Vyp. 1. Kommunikativnye sistemy zhitovnykh i yazyk cheloveka. Problema proiskhozhdeniya yazyka [Language and reasoning. Iss. 1. Animal communication and human language. Language origins]*. Moscow: Languages of Slavonic cultures Publ., pp. 395–413. (In Russian)
- Dashinimaeva, P. P. (2010) *Teoriya znachimosti kak osnova psikhonejrolingvisticheskoy kontseptsii neperevodimosti [Significance theory as the basis of the psychoneurological concept of untranslatability]*. PhD dissertation (Philology). Irkutsk, Irkutsk State University, 377 p. (In Russian)
- Dashinimaeva, P. P. (2017) *Teoriya perevoda. Psikholingvisticheskij podkhod [Translation theory. Psycholinguistic approach]*. Ulan-Ude: Buryat State University named after D. Banzarov Publ., 360 p. (In Russian)
- Fefelov, A. F. (2016) Semantika i pragmatika vzaimodejstviya britanskoj i kitajskoj kul'tur v polikodovom tekste dokumentalnogo fil'ma [Semantics and pragmatics of British and Chinese cultural interactions in multimodal text of a documentary]. *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya — NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, vol. 14, no. 4, pp. 60–80. (In Russian)
- Jackendoff, R. (2002) Foundations of language: Brain, meaning, grammar, evolution. New York: Oxford University Press, 477 p. (In English)
- Kenin-Lopsan, M. B. (2006) *Traditsionnaya kul'tura tuvintsev [Tuvinians' traditional culture]*. Kyzyl: "Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 230 p. (In Russian)
- Kuzhuget, Sh. Yu., Suvandii, N. D., Lamazhaa, Ch. K. (2021) Problemy perevoda kontseptov kul'tury na drugoj yazyk: na primere tuvinskih kontseptov kul'tury [The problems of translating cultural concepts into another language: On the example of Tuvan cultural concepts]. *Polilingval'nost' i transkul'turnye praktiki — Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 18, no. 4, pp. 405–420. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-405-420> (In Russian)
- Lotman, Yu. (2005) Vzaimootnosheniya lyudej i razvitie kul'tur [Relations between people and the development of cultures]. In: *Vospitanie dushi [Education of the soul]*. Saint Petersburg: Iskusstvo — SPb Publ., p. 469. (In Russian)
- MacWhinney, B. (2005) New directions in the competition model. In: M. Tomasello, D. I. Slobin (eds.). *Beyond nature-nurture: Essays in honor of Elizabeth Bates*. Mahwah; New Jersey; London: Lawrence Erlbaum Associates Publ., pp. 81–110. (In English)
- Mallaeva, Z. M., Magomedov, M. A., Halidova, R. Sh. (2021) Kul'turologicheskij aspekt perevoda na russkij yazyk proizvedenij avarskoj khudozhestvennoj literatury: na primere knigi R. Gamzatova "Moj Dagestan" [Culturological aspect of Russian interpretation of Avar literary works: Based on "My Daghestan" by R. Gamzatov]. *Polilingval'nost' i transkul'turnye praktiki — Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 18, no. 4, pp. 347–357. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-347-357> (In Russian)
- Pinker, S. (2004) *Yazyk kak instinkt [The Language Instinct]*. Moscow: Editorial URSS Publ., 456 p. (In Russian)

- Shklovskij, V. (1929) *Iskusstvo kak priem* [Art as a technique]. In: *O teorii prozy* [On the theory of prose]. Moscow: Federation Publ., pp. 10–11. (In Russian)
- Zalevskaya, A. A. (2018) *Voprosy estestvennogo semiozisa* [Questions of natural semiosis]. Tver: Tver State University Publ., 160 p. (In Russian)